

Фарфор в собрании П.Б. Шереметева

Среди разнообразных коллекций графа Петра Борисовича Шереметева фарфор занимал значительное место, что было обусловлено особым положением и статусом фарфора в XVIII веке. Дворцы и дома российской знати того времени, ориентированные на европейскую культуру и моду, невозможно представить без произведений фарфора.

1. Два путти с вазами в руках. Мейсен. Около 1750 г. Модель И.И. Кендлера (?)

Любимый материал «галантного» столетия, фарфор стал непременным атрибутом в жизни любого европейского двора, а создание собственного фарфорового производства – делом престижа всех европейских монархов. Фарфор блестяще выразил эстетические и художественные устремления эпохи и во многом преобразил придворный и аристократический быт своего времени, придал ему изысканность и утонченность чувственных наслаждений. Изящные и хрупкие фарфоровые изделия стали обязательным украшением парадных интерьеров, они были не только свидетельством богатства и роскоши, но и выражением высокого и тонкого вкуса их владельца. Одновременно фарфор стал предметом увлеченного коллекционирования. Фарфоровые раритеты, наряду с другими редкостями, наполняли шкафы кунсткамер, устраивались фарфоровые кабинеты, в которых все стены были уставлены вазами и другими предметами на специальных консолях и пирамидах с полочками. В парадных гостиных фарфоровые вазы, ароматники, «цветники» ставили на каминь, консоли и комоды, нарядный и гигиенический фарфор постепенно вытеснял посуду из других материалов в сервировке праздничного стола.

Шереметевы, принадлежавшие к высшему кругу российской знати, были одними из законодателей моды и в числе первых, в чьих образцовых домах столь желанный фарфор стал занимать почетное место. Разнообразные материалы и документы, сохранившиеся в шереметевской усадьбе Кусково, дают возможность убедиться в этом. Судя по сохранившимся описям Дворца и павильонов кусковской усадьбы, их интерьеры были насыщены разнообразными предметами из фарфора. При этом помещения не были перегружены фарфором, ему отводилось достойное,

но не главное место в большинстве комнат, а все более значительные коллекции были сосредоточены в специальных местах. К сожалению, далеко не все поименованные в описях вещи дошли до наших дней. Почти полностью утрачены предметы посуды, фарфоровая скульптура и всякие мелочи. Значительно лучше сохранились вазы, украшавшие интерьер. Не следует также забывать и о том, что предметы фарфора на протяжении двух столетий не раз перемещались не только внутри усадьбы, но и в другие шереметевские дома, и не только в Москве и Подмосковье, но и в Петербурге.

Подробные описи кусковских интерьеров, составленные в 1780-х годах, то есть в основном при жизни П.Б. Шереметева, помогут нам составить общую картину некогда обширной фарфоровой коллекции. Причем в большинстве случаев можно со всей определенностью сказать, о каких именно предметах идет в них речь, – настолько точно при всей их краткости даны описания разнообразных изделий из фарфора.

В первую очередь следует обратить внимание на большой объем китайского и японского фарфора, который постоянно встречается в описях. Большое распространение восточного фарфора не было случайным явлением. Как и в Европе, первым в России появился китайский фарфор, доставлявшийся сюда сухопутным путем. Он стал проникать в жилища старой боярской знати еще в конце XVII столетия. Значительно возрос поток восточного фарфора в Россию с начала XVIII века, когда император Петр I начал заказывать произведения искусства и предметы быта через Ост-Индскую компанию, ввозившую в Европу разнообразные изделия китайских мастеров. Интенсивный ввоз китайского фарфора сохранился и после смерти Петра. Одно из

2. Ваза с рельефным изображением символовических предметов.
Китай. Период Канси (1662–1722).

крупнейших собраний китайского фарфора в России 30-х годов XVIII века было у князей Черкасских, и нельзя не упомянуть о том, что наследником имущества Черкасских, после женитьбы на княжне В.А. Черкасской в 1743 году, стал Петр Борисович Шереметев. Китайский фарфор был и в кунсткамере петербургского дворца П.Б. Шереметева, разнообразные китайские изделия упоминаются в описях кусковского Дворца и Голландского дома.

Наибольший интерес представляют китайские вазы, которые находились в разных комнатах Дворца. Например, в Картииной (здесь и далее орфография и пунктуация описей сохранены) «на печи ваз фарфоровый китайский большой с крышкой, расписан разными цветами». Но в основном китайские вазы были сосредоточены в Столовой, в чем прослеживается традиция еще первой половины XVIII века. Здесь, согласно описи, на двух «наугольных кансонах поставлено 2 горшка фарфоровые китайские белые с крышками, на них лепная резьба, разные золоченые штуки. На крышке и на горшке сверху и ко дну Росписано зеленою краскою». По описанию эти вазы очень близки к тем, которые сейчас находятся в Останкинском дворце. Они относятся к периоду Канси и расписаны в гамме «зеленого семейства» (ил. 2).

«На левой стороне в двух углах на золоченых резных пьедесталах 2 горшка фарфоровые китайские большие, по белой земле расписано из разных красок, разные деревья, цветы и птицы, на крышках по 1-му сидящему китайскому зверю золоченому». Судя по всему, эти вазы очень близки к тем вазам середины XVIII века с росписью в гамме «розового семейства», что стоят сейчас в Прихожей гостиной (присходят они из собрания Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» – ГМК). Эти напольные вазы большого размера являются довольно редкими (ил. 3).

3. Ваза с фигуркой льва «фу» на крышки, с изображением цветов и в гамме «розового семейства». Китай. Середина XVIII в.

4. Две вазы с изображением животных. Китай. XVIII в.

Целая коллекция различных китайских ваз была размещена в Столовой на горке, в описи они названы либо «горшками с крышками», либо «цветниками», то есть без крышек. Итак, здесь стояли:

«2 цветника высокие, сверху по 2, а внизу по 4 полосы зеленых, по них расписаны разные китайские звери». Эти

парные вазы сохранились до наших дней, сейчас они стоят в Столовой на консолях (ил. 4);

«2 цветника беловатого цвету, по них разные цветы и птички, вверху горлышки узенькие». По всей видимости, это парные вазы, созданные в период Юнчжэн (1723–1735) с изображением цветов и птиц в гамме «розового

5. Две вазы с изображением птиц и цветов в гамме «розового семейства». Китай. Период Юнчжэн (1723—1735).

семейства», которые также сохранились в усадьбе и сейчас украшают консоль в спальне Николая Петровича (ил. 5);

еще «1 цветник такой же побольше тех, и по нем расписано такие же цветы и птицы» — до наших дней не сохранился;

«4 горшка китайских же фарфоровых с крышками. По них расписано по белому цветы, горшки, креслы и прочее». Сейчас во Дворце находятся две пары таких ваз с крышками с изображением китайских символовических предметов, все они происходят из Основного собрания Шереметевых, их декор с пестрыми ламбрекенами и

6–7. Вазы с изображением благопожелательных символов и орнаментальной росписью. Китай. Вторая четверть XVIII в.

полосатым орнаментом характерен для второй четверти XVIII века. Две из них стоят сейчас на консолях в Столовой, а две – на консолях в Парадной спальне (ил. 6–7);

2 «цветника китайских с широкими горлами, по них расписаны китайские креслы и горшки с цветами», близкие по стилю к четырем предыдущим вазам, по всей видимости, являются парными вазами, находящимися сейчас в собрании Останкинского дворца (ил. 11).

В Кускове имеется еще несколько китайских ваз, происходящих из Основного собрания Шереметевых. Какова была их «миграция», выяснить пока не удалось. Это очень хорошие образцы китайского фарфора конца XVII – первой половины XVIII века. Ваза с узорным красным фоном и монохромным изображением пейзажей, цветов и птиц в фигурных резервах относится к периоду Канси начала XVIII века и сейчас стоит на камине в Прихожей гостиной

8. Ваза с узорным фоном из красных цветов, изображением цветов, птиц и пейзажей. Китай. Начало XVIII в.

(ил. 8). Здесь же на комоде стоит ваза с росписью, изображающей жанровые сцены в гамме «розового семейства», созданная во второй четверти XVIII века (ил. 10). Типичны для периода Канси рубежа XVII–XVIII веков вазы в форме баласины с изображением жанровых сцен в гамме «зеленого семейства» (ил. 9) и ваза с росписью в красно-золотой гамме (ил. 12), в настоящее время хранящиеся в фондах музея.

9. Ваза с изображением жанровых сцен в гамме «зеленого семейства». Китай. Конец XVII – начало XVIII в.

Наиболее ранние из перечисленных ваз могли быть приобретены и в начале XVIII века. Однако несколько характерных произведений с росписью в гамме «розового семейства», созданных во второй четверти и середине столетия, то есть после того, как в 1720-х годах китайцы, используя европейскую технологию, стали применять в росписи розовую (пурпурную) краску, могли быть куплены самим П.Б. Шереметевым.

10. Ваза с изображением жанровых сцен.
Китай. Середина XVIII в.

11. Ваза с изображением
благопожелательных символов
и орнаментальной росписью.
Китай. Середина XVIII в.

12. Ваза с изображением веток с цветами.
Китай. XVIII в.

Очень много восточного фарфора находилось в Голландском доме усадьбы, что, конечно же, не было случайным, а являлось неотъемлемым элементом всей атмосферы этого увеселительного павильона. В этом здании, построенном в 1749 году в память об эпохе Петра I с его увлечением Голландией, многое напоминало об Ост-Индской компании, о связях с Китаем. Предметы китайского и японского фарфора заполняли шкафы и просто стояли на столах в кухне, буфетной и десертной комнатах, в парадном зале.

Так, на столе в кухне стояло 7 больших фарфоровых японских блюд и 6 восьмиугольных лоточек с изображением цветов, зверей и птиц. Здесь же находились «2 масляницы китайские фарфоровые четырехугольные с крышками, и на крышках лёвики золоченые, по них расписано разными цветами мозаик». Это, несомненно, два предмета китайского фарфора середины — второй половины XVIII века, сохранившиеся в усадьбе до наших дней (ил. 13). В шкафах на кухне хранился большой набор тарелок, которые по описи значатся японскими: «64 тарелки больших

фарфоровых японских, грановитых, росписаны по белой земле разные цветы с золотом; 49 тарелок средних таких же; 59 тарелок небольших таких же». Очевидно, что эти тарелки использовались в быту для сервировки стола.

Здесь же на столике стояла «фарфоровая китайская посуда черная с золотом: бутыль с высоким горлом; кофейник с рыльцем и с крышкой; 2 молошника с рыльцами; 2 чашки с блюдечками кофейные».

Разнообразные предметы восточного фарфора хранились на столе в десертной комнате Голландского дома: блюда, чаши, 2 «цветника», тарелки, чашки и блюдца – всего около 30 предметов с росписью цветов, птиц и бабочек. В описи многие из них не обозначены как китайские, но в описании указано, что большинство изделий имеют на «днах в белых кругах по 6 литер», что очень характерно для китайского фарфора. Аналогичные предметы с шестью иероглифами на донышках первой половины XVIII века имеются в собрании Останкинского дворца Шереметевых.

Наиболее интересные в художественном отношении произведения китайского фарфора стояли в парадном зале Голландского дома. Под зеркалами на двух столах – «два цветника фарфоровые китайские, по белой земле синие узоры»; на круглом столике в углу – «блюдо фарфоровое большое китайское, по белой земле расписано – китайцы на лошадях и разные цветы, звери, бабочки. На том блюде чашка большая фарфоровая китайская, по ней расписаны китайцы, разные деревья и цветы, а внутри китайка едет на олене, а другая в корзинке держит цветы». Вполне вероятно, что эти два предмета, видимо с полихромной сюжетной росписью, относятся к китайским изделиям 1720–1730-х годов.

На камине поставлены «2 статуки фарфоровые – на зеленых легушках сидят китайцы. 2 статуки китайских фарфоровых двойных сидячих наподобие кресел». По сторонам камина на деревянных золоченных тумбах стояли «две китайские большие фарфоровые белые статуки». Над камином размещались «6 цветников китайских фарфоровых – по белому синие цветы». В застекленном шкафу, в стене зала, наряду с европейским фарфором стояло немало китайских чашек и блюдец с различной росписью, среди них отмечены «4 блюдечка глыбоких китайского фарфору тонинкие, внутри по белому китайцы в домиках, деревья и цветы, расписано разною красною краской с золотом, на дне в кругах по 6 литер», а также характерные китайские чайники со «стоячими» ручками.

Ничего из перечисленного в Голландском доме до наших дней не сохранилось. Однако в коллекции музея есть отдельные предметы китайского фарфора XVIII века из Основного собрания Шереметевых, которые лишь подчеркивают тот факт, что в свое время это собрание было более обширным и более разнообразным. Оставшиеся предметы часто не отличаются хорошей сохранностью. Это фигура сидящей женщины (богини милосердия?) с остатками росписи (ил. 14) и фигура собаки (ил. 15), а также три кашпо с изображением веток цветущей сливы (ил. 16).

В настоящее время в интерьерах Голландского дома выставлены разнообразные предметы китайского и японского фарфора из собрания музея керамики, аналогичные

13. Шкатулка с фигуркой льва «фо» на крыше.
Китай. Период Цяньлун (1735–1796).

14. Фигура сидящей собаки.
Китай. XVIII в.

15. Фигура сидящей богини (Милосердия?). Китай. XVIII в.

16. Кашипо с изображением веток цветущей сливы на кобальтовом фоне.
Китай. XVIII в.

или близкие к тем, что находились здесь прежде. Например, на столах и в шкафах на кухне стоят китайские блюда с изображением цветов, птиц, бабочек и животных начала и середины XVIII века (ил. 17–19), а в зале на полочках шкафа показаны различные изделия китайских и японских мастеров (ил. 20).

Собрание восточноазиатского фарфора П.Б. Шереметева очень наглядно отражает основные тенденции

историко-культурной ситуации в России в первой половине XVIII века. Наиболее состоятельные представители высшего круга общества обладали коллекциями модных и дорогих привозных изделий дальневосточного фарфора и размещали их в парадных интерьерах городских дворцов и загородных усадеб. Создавались отдельные кабинеты, заполненные китайским фарфором. Голландский домик в усадьбе Кусково служит редким примером сохранившего-

20. Шкаф в зале Голландского дома усадьбы Кусково с предметами китайского и японского фарфора.

21–22. Кувшин «Вода» с фигурой бога морей Нептуна и ваза «Земля» с фигурой богини охоты Дианы из серии «Четыре стихии». Майсен. Модели И.И. Кендлера. 1741 г.

23. Вазы «Огонь», «Вода», «Воздух», «Земля» из серии «Четыре стихии». Майсен. Середина XVIII в.

ся интерьера увеселительного павильона, в убранстве которого восточному фарфору отводилась огромная роль. (При этом следует учесть, что описи дома относятся к концу XVIII века, когда китайских фарфор отошел на второй план. По описаниям предметов хорошо видно, как много среди них побитых и склеенных.) Одновременно китайский и японский фарфор стал широко использоваться и в быту аристократов в качестве парадной и ежедневной столовой и чайно-кофейной посуды.

Однако к середине XVIII века все более престижным становится обладание редкими образцами европейского фарфо-

24. Вазы «Воздух» и «Вода» из серии «Четыре стихии». Мейсен. Модели И.Ф. Эберлейна. 1740-е гг.

ра. В первой половине столетия таковыми были исключительно изделия первой в Европе Мейсенской мануфактуры, где производился настоящий твердый фарфор. Различные документы усадьбы Кусково позволяют нам увидеть, что П.Б. Шереметев обладал значительным собранием мейсенского фарфора. Вновь обратимся к описям Дворца 1780-х годов.

В нескольких гостиных фарфоровые вазы украшали каминные полки, как это было рекомендовано еще в конце XVII века и оставалось модным на протяжении большей части XVIII столетия. В первой (Прихожей) гостиной на камине было поставлено «4 штуки фарфоровые наподобие фигурных вазиков, по белой земле местами расписаны и позолочены», «представляют огонь, воду, воздух и землю». Это, на первый взгляд, поверхностное описание сразу вызывает в памяти очень характерные произведения Мейсенской мануфактуры. Подобные вазы, составляющие серию «Четыре стихии» со скульптурным декором, типичны для Мейсена середины XVIII века, известны различные варианты таких комплектов ваз. Невозможно определить,

какими именно были вазы из первой гостиной. Они относятся к редким произведениям, далеко не во всех наиболее значительных коллекциях мейсенского фарфора сейчас можно найти такие полные серии. Может быть, наиболее известны большие вазы и кувшины, созданные по моделям И.И. Кендлера в 1741 году, с необычайно богатым и сложным скульптурным декором, хотя подобные комплексы крайне редки, ведь они создавались преимущественно для резиденций саксонского короля и подарков европейским монархам. Например, полный ансамбль из четырех ваз и кувшинов был исполнен для Людовика XV, он был дополнен пятой вазой с портретом французского короля. Представление об этих уникальных предметах дают кувшин «Вода» и ваза «Земля» (ил. 21–22). Еще одна серия ваз «Четыре стихии» с более спокойным, но выразительным пластическим декором была создана в середине XVIII века (ил. 23). В собрании ГМК есть две мейсенские вазы из другой серии «Четыре стихии» – «Вода» и «Воздух», выполненные в 1740-х годах по моделям И.Ф. Эберлейна и происходящие из собрания Л.К. Зубалова (ил. 24).

25. Негр с корзиной. Мейсен.
Модель И.Ф. Эберлейна. 1740-е гг.

26. Ваза с изображением профилей античных героев.
Мейсен. Около 1773 г.

27. Комплект ваз с изображением профилей античных героев и надписями. Мейсен. Модели М.В. Асье. 1773—1789 гг.

Согласно описи, здесь же на камине находился «черный арап, стоит при пне, при нем большая корзина с крышкою», в медной золоченой оправе. Это также, несомненно, произведение Мейсенской мануфактуры: фигура негра, стоящего рядом с плетеной корзиной, была создана И.Ф. Эберлейном в 1741 году. Несколько экземпляров этой фигуры (без росписи) поступили в Зимний дворец в 1745 году вместе с Андреевским сервизом. Такая скульптура есть и в собрании ГМК, она относится к ряду наиболее ранних произведений мейсенской пластики в музейной коллекции (ил. 25).

Комплект ваз находился и на камине во второй гостиной. Это были «5 вазиков фарфоровых разной величины, белых с крышками, на них написаны персонажи славных мужей с надписями». Следует подчеркнуть, что это специально подобранный ансамбль из нечетного количества ваз разного размера, как это рекомендовалось еще в трактатах конца XVII века. Судя по описанию, вазы, несомненно, были созданы в период классицизма. В собрании ГМК есть одна мейсенская ваза (инв. № фр 3686), которая очень близка к описанным, она создана в 1770-х годах. На ней помещены два медальона с античными профилями, одна-

ко никаких надписей на них нет (ил. 26). Судя по всему, здесь стоял комплект из пяти подобных ваз, который полностью опубликован в юбилейном мейсенском каталоге 2010 года. Это разные по формам и размерам вазы 1770–1780-х годов с портретами античных героев в медальонах и надписями с их именами (ваза из собрания ГМК аналогична центральной из этого комплекта). В 1786 году эти вазы были перенесены на камин в первую гостиную взамен выданных в Дом уединения.

Надо отдать должное высокому художественному уровню и редкости двух комплектов мейсенских ваз разных эпох, украшавших каминьи первых гостиных во Дворце, а также необходимо отметить постоянное пополнение П.Б. Шереметевым фарфоровой коллекции новыми, современными произведениями. Все это лишний раз подтверждает принцип приобретения больших партий произведений искусства в XVIII веке, часто, что называется, из первых рук, когда особенно ценные серии и комплекты сохранялись в полном объеме.

О том, что фарфор во второй половине XVIII века стал неотъемлемой и очень приметной, порой неожиданной и занятной, памятной и особо чтимой принадлежностью и деталью быта, говорят такие рассеянные по всем комнатам кусковского Дворца предметы, как фарфоровое яйцо с изображением купидона с корзиной цветов и монограммой в виде буквы «К», возможно, подаренное кем-то и подвешенное в Парадной спальне; редкостные «два шендана фарфоровых цветных о трех трубках, представляют Диогена с фонарем» в Малиновой гостиной на угловых консолях. В Кабинете его сиятельства находился «образ распятия господня фарфоровое и под крестом Мария Магдалина в стеклянном корпусе» – безусловно, произведение Мейсенской мануфактуры, которое известно в разных вариантах. Один из них с flankирующими фигурами Богоматери, апостола Иоанна и Марии Магдалины; другой – только крест с распятием на Голгофе. Именно такое распятие есть сейчас в собрании ГМК (ил. 28).

В Личной уборной (туалетной комнате) на столе рядом с различными туалетными принадлежностями, хрустальными склянками для «вотки», рюмками и стаканчиками почетное место занимала «чашка фарфоровая буерная с крышкою и с ручками, грановитая, по ней полосы и цветы с золотом и на крышке цветок, под нее блюдечко». К редким предметам фарфора следует отнести также находившиеся в Библиотеке «2 книжки фарфоровые» – белая и бирюзовая – «с гербом и вензелем его сиятельства» и с металлическими шарнирами, возможно, это были специально заказанные шкатулки.

На камине в Кабинете Николая Петровича стояли три большие птицы – «два попугая фарфоровые зеленые, сидящие на пнях и одна птица поменьше с большим хохлом на пне» – очень характерные, замечательные произведения Мейсена середины XVIII века, созданные по моделям И.И. Кендлера (ил. 29).

На печи в Портретной, примыкающей к залу, стоял большой белый гусь, «а во рту – рыбка». По описанию, это, вероятно, пеликан с рыбой, один из ранних образцов动物истики, созданных И.И. Кендлером в начале 1730-х годов для Японского дворца в Дрездене (ил. 30). Хотя в описи указано, что гусь большой, все-таки поместить на

28. Крест с распятым Христом на Голгофе. Мейсен.
Модель И.И. Кендлера. 1772 г.

29. Удод и попугай. Мейсен.
Модели И.И. Кендлера. 1736 и 1741 гг.

30. Пеликан. Модель И.И. Кендлера. 1732 г.

31. Горчичница в виде бочонка. Мейсен. 1770-е гг.

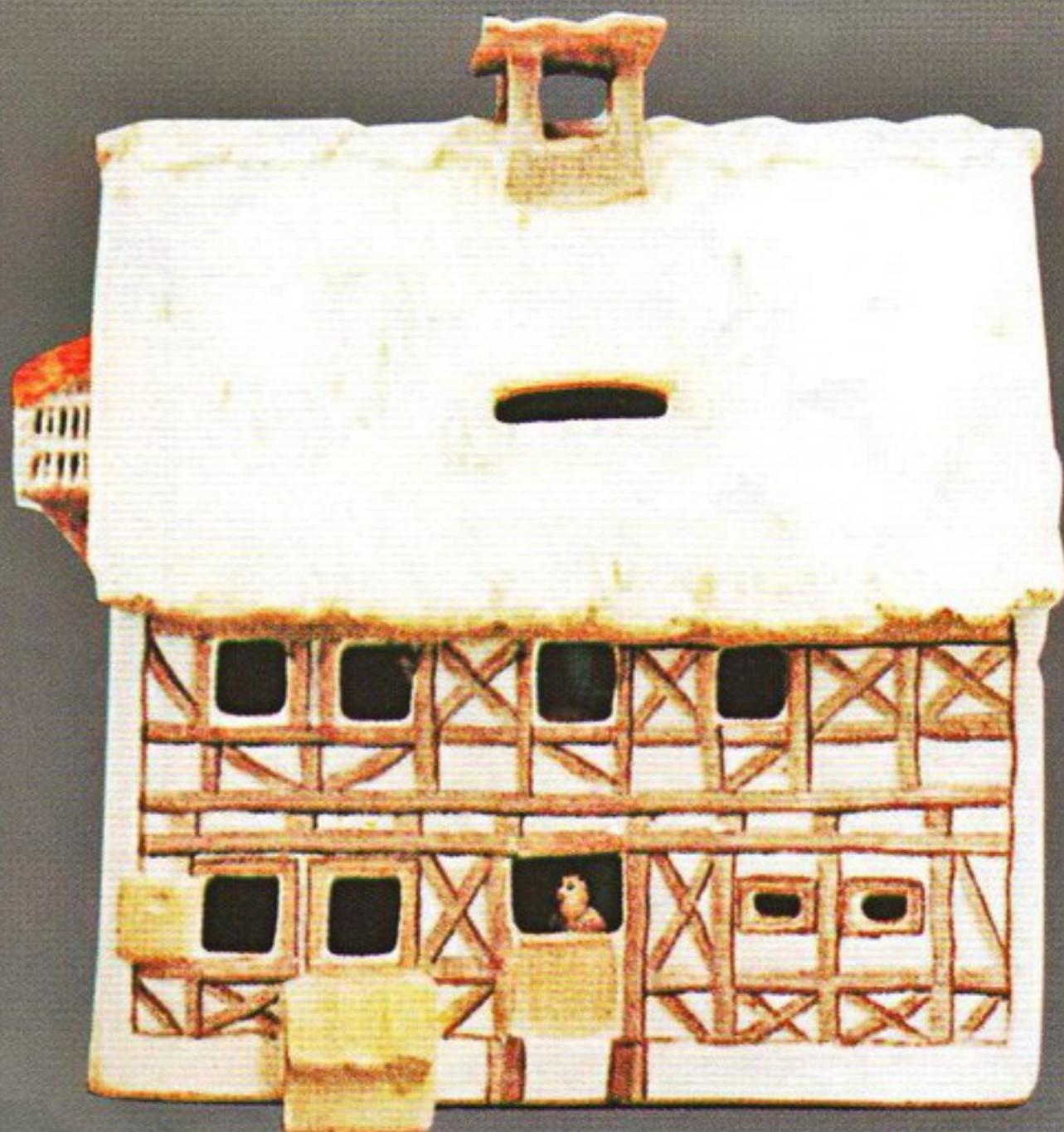
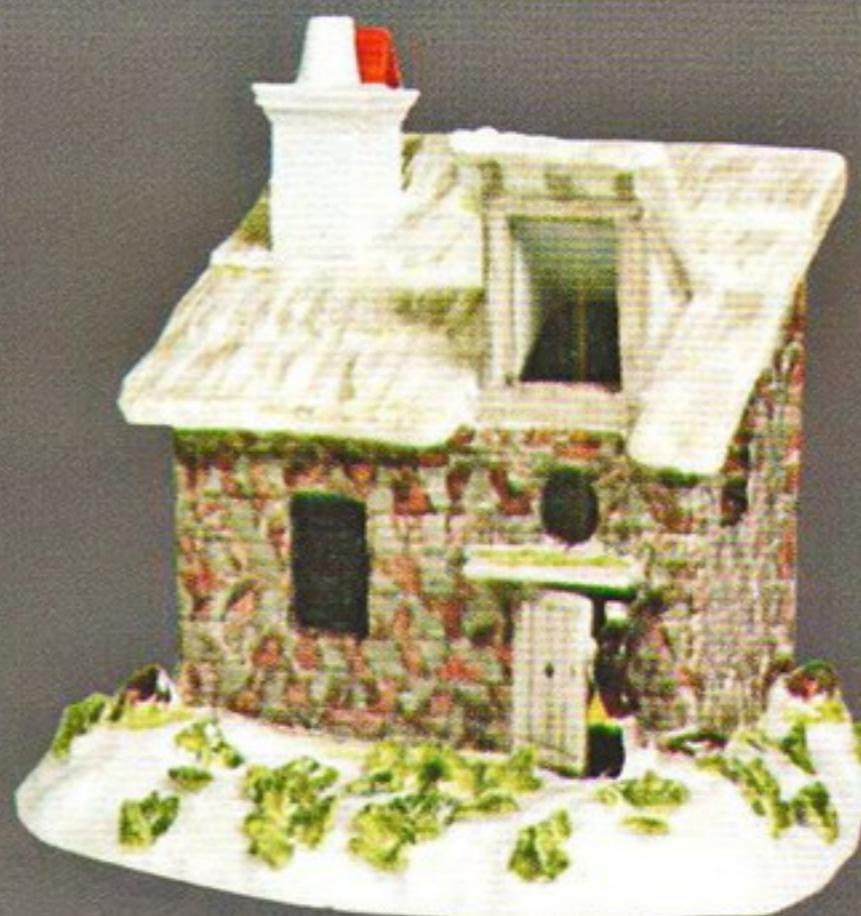
печи тяжелую птицу высотой в 75 см представляется весьма затруднительным. Повторяли ли в XVIII веке подобные модели в меньшем размере, точно неизвестно, во всяком случае, это произведение можно отнести к очень редким.

Следует отметить, что ничего из перечисленных фарфоровых предметов, находившихся в разных комнатах кусковского Дворца, до наших дней не сохранилось.

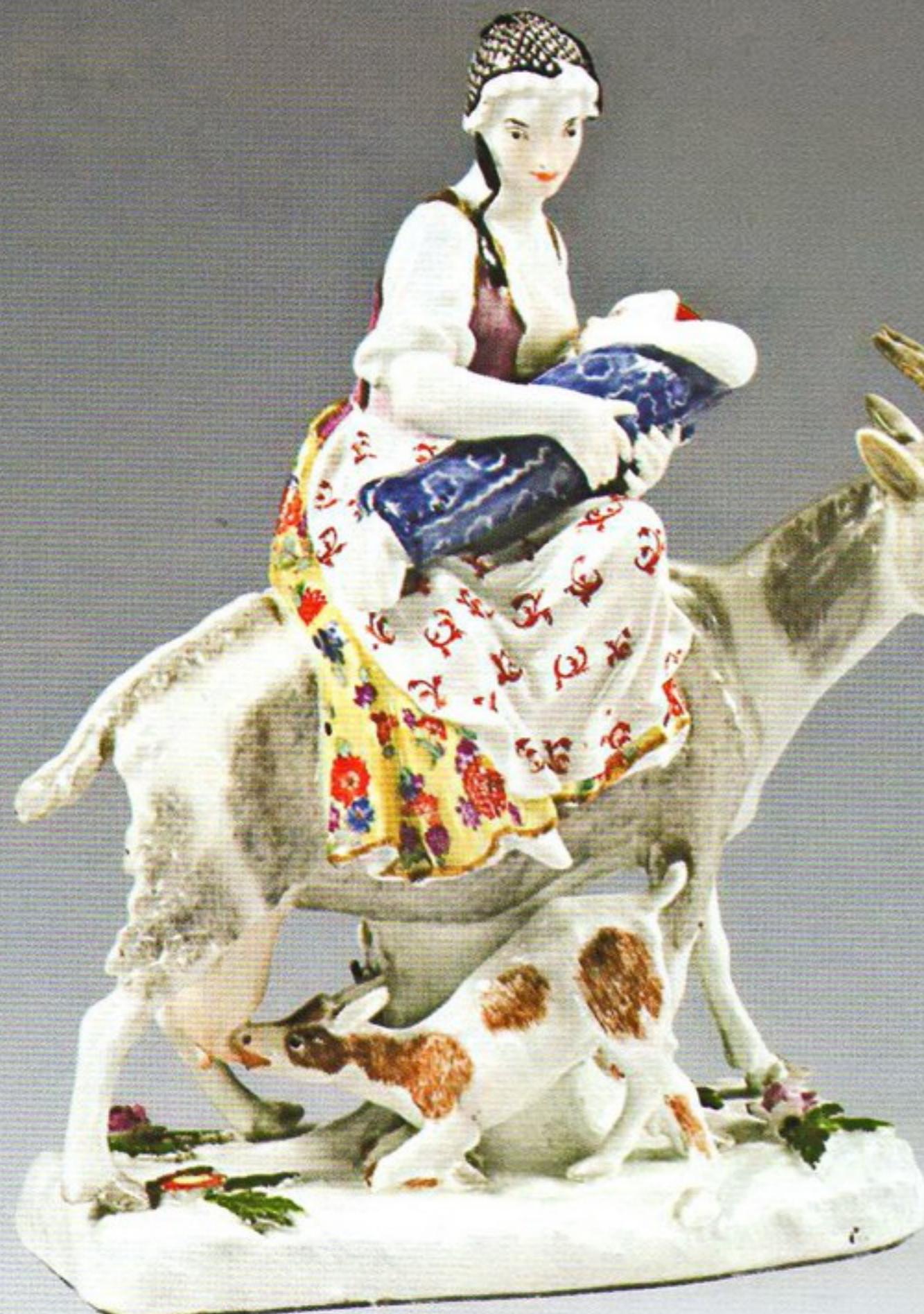
Размещение большого количества фарфора в Столовой Дворца является вполне закономерным. Где же еще могла находиться саксонская посуда, которой пользовались во время парадных обедов? Как уже говорилось, открытый буфет-горка был одним из важнейших украшений Столовой, здесь стояли китайских вазы, различные предметы из стекла. Среди них выделяется «бочка небольшая фарфоровая с поддоном расписанная разными красками и золотом, крышка раковинная и в ней виноград». Этот очень точно

описанный предмет — горчичница, модель которой была разработана в Мейсене в 1760-х годах. Ножки бочонка для горчицы сделаны в виде кабаньих ног. Это не случайно, так как эта горчичница изначально входила в состав Охотничьего сервиза, изготовленного по заказу Екатерины II для графа Г.Г. Орлова. Экземпляр из коллекции ГМК с традиционной цветочной росписью относится к более позднему времени — периоду Марколини (ил. 31). Эта затейливая вещица и сейчас привлекает внимание посетителей на столе в Столовой Дворца. И это один из очень немногих предметов саксонской посуды, которые были отмечены в описи этой комнаты. Столы здесь не стояли постоянно, они хранились в соседней Буфетной. Наполненные фарфором шкафы стояли в сенцах, примыкающих к Столовой.

В «одном шкафе» отмечены «2 передачи фарфоровые саксонские круглые, по белому голубые цветки с золотом,

32. Деревенские домики. Майсен. Модели И.И. Кендлера, И.Г. Эдера и др. Середина XVIII в.
Использовались в качестве элементов настольных украшений.

33. Портниха с ребенком на козе
(сатира на портных). Майсен.
Модель И.Ф. Эберлейна. Начало 1740-х гг.

34. Целующаяся пара.
Майсен. Модель И.И. Кендлера.
1743—1744 гг.

ручки-раковины» и «2 передачи фарфоровые саксонские овальные для рюмок, края с вырезкою, по них голубые цветы с золотом». На полях описи помечено, что эти четыре передачи находятся в погребе (вероятно, в подвале Дворца?). Возможно, именно там хранилась в гораздо большем количестве посуда для сервировки стола, чем в шкафу в сенцах, ибо здесь описаны еще только «12 корзиночек фарфоровых саксонских для мороженого, мелкие цветочки, ручки плетеные зеленые». Характерно примечание на полях — «взяты в московский дом и обратно привезено только семь, а пять разбиты».

Другой шкаф, здесь же, был заполнен фарфоровой скульптурой.

Обратимся к описи. Сначала выделены фарфоровые вещи белые. Среди них: одно дерево и при нем на пнях два попугая, несомненно, мейсенские птицы, которых в сере-

дине XVIII века выпускалось очень много; 2 избушки фарфоровых (с цветами вокруг и с птичками и конурой с собакой) — описания предметов краткие, но настолько точные, что среди множества вариантов фарфоровых домиков Мейсенской мануфактуры можно найти те самые модели (ил. 32). Сейчас в собрании музея нет ни одной подобной вещи. Здесь же перечислены фигурки разных животных — козлов, барашков, птичек.

Несколько предметов из перечисленных заслуживают особого внимания. Это «коза с козленком и на ней женщина с ребенком» — сатира на портных по модели Эберлейна (ил. 33), «1 статуика на плоском поддонце — мужчина и женщина целуются» — одно из ранних произведений Кендлера на тему из придворной жизни (ил. 34) и «4 статуки на пьедесталах — старик с бородою, у ног жаровня с огнем, Бахус с бокалом, женщина с серпом и снопом и

35. Фигуры из серии «Времена года». Мейсен. Модели Ф.Э. Мейера. Конец 1750-х гг.

Меркурий с кошельком» – три фигуры из них – из серии «Времена года». Все это хорошо опознаваемые, причем довольно ранние образцы мейсенской фарфоровой пластики 1740–1750-х годов. В собрании ГМК есть фигуры одной из серий «Времена года», созданные Ф.Э. Мейером в конце 1750-х годов (ил. 35). Какие именно фигуры стояли здесь, сказать трудно, но принадлежность их к изделиям Мейсенской мануфактуры не вызывает сомнения.

Значатся также в описи и другие характерные мейсенские фигуры: пастух и несколько пастушек, мальчики с

виноградом, мальчики с цветами, с бокалами, «мальчик стоящий, в руке сноп с серпом», а также две фигуры музыкантов: «женщина, сидящая на пне с рыле», «мужчина, сидящий на пне с волынкой» – это, несомненно, Арлекин с волынкой и Коломбина с рылейкой, созданные по моделям Кендалера в 1740-х годах. Аналогичные скульптуры есть в коллекции ГМК (ил. 36). Всего белых, нерасписанных, фигур насчитывалось 33.

Отдельно перечислены в этом шкафу расписанные («цветные») фигуры:

«4 судна, на которых сидят шкаперы с рулями» — это майсенские судки для приправ в виде лодки с рулевым (ил. 37);

2 статуи — конфетчик с лимонами и конфетчица с конфетами. Так названы парные фигуры продавца лимонов и продавщицы печенья; вероятно, аналогичные фигуры, созданные в 1750-х годах по моделям Ф.Э. Мейера, есть в собрании ГМК (ил. 38—39);

2 статуики — пастух и пастушка на высоких поддонах. Таких фигур в Майсене в середине века было создано

немало в разных вариантах, некоторые из них есть сейчас в собрании ГМК;

2 статуйки — мужчина и женщина: «воротники с раковинами», с палками, на которых повешены кувшинчики. Это очень подробные описания фигур пилигримов, созданных в Майсене в нескольких вариантах. В собрании ГМК есть одна фигура пилигрима, к сожалению, не очень хорошей сохранности, но именно она, вероятно, наиболее близка к находившейся когда-то во Дворце: «у мужчины на палке кувшинчик же, под пазухою шляпа и... воротник с раковинами» (ил. 41).

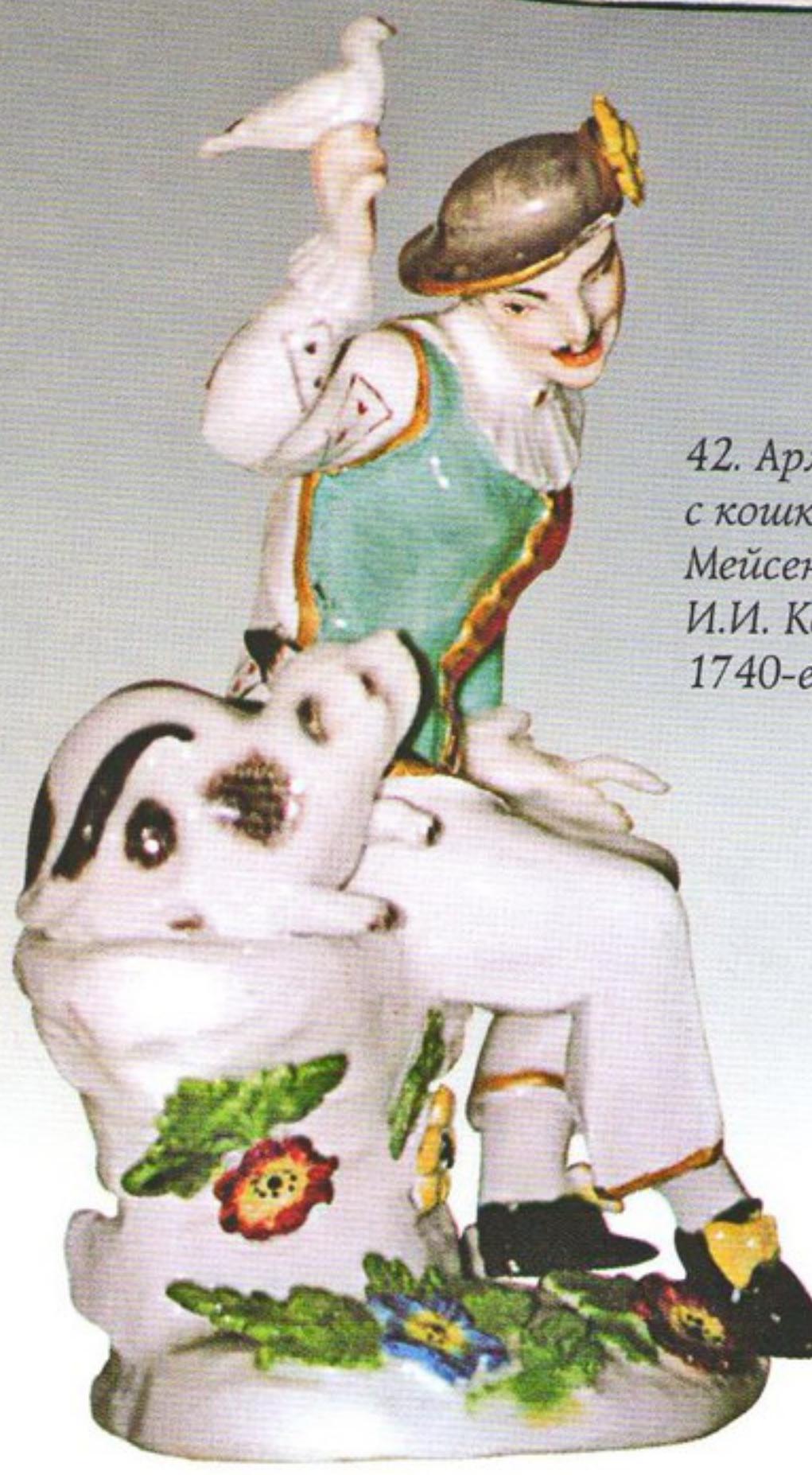
40. Оперные певцы. Майсен.
Модель И.И. Кендлера. 1744 г.

42. Арлекин
с кошкой.
Майсен. Модель
И.И. Кендлера.
1740-е гг.

41. Пилигрим. Майсен. Около 1755 г.

43. Продавец птиц. Майсен. 1750-е гг.

Завершают весь список «20 купидончиков бес крыльев, сидящих на пнях, держащие в руках цветники» (ил. 1) и «1 корова лежащая», также очень характерные произведения майсенской пластики. Следует подчеркнуть, что ничего из хранившегося в этих шкафах до нас не дошло.

Поразительно разнообразие тематики и высокий художественный уровень перечисленных предметов, все они относятся к периоду расцвета майсенской фарфоровой пластики (1740–1750-е гг.) и созданы по моделям ведущих скульпторов: И.И. Кендлера, И.Ф. Эберлейна, П. Рейнике, Ф.Э. Мейера. Некоторые фигуры и группы идентичны тем, что были в русском придворном обиходе в середине столетия, многие из них были присланы из Дрездена русскому двору вместе с сервизами и использовались для украшения столов.

Обилие фарфоровой скульптуры, хранившейся, согласно описи, в шкафах возле Столовой, большое количество белых и однотипных фигур (например, 20 купидончиков,

сидящих на пнях с цветниками в руках) определенно свидетельствуют о том, что они служили для украшения столов во время парадных обедов, что соответствовало правилам придворного и великосветского этикета. Обычно для филе (то есть настольного украшения) использовали отдельные фарфоровые фигуры – их расставляли цепочкой на серебряном или зеркальном плато в центре стола. В таких композициях обычно преобладали майсенские фигуры, как расписанные, так и белые.

Этому находим подтверждение в воспоминаниях одного из гостей усадьбы Кусково. На обеде, данном П.Б. Шереметевым 1 августа 1782 года на 100 кувертов, «убранство стола было очень великолепно и увеселило разнообразными и богатыми на филе расставленными фигурами и всею вообще картиною». Автор отмечает и такую деталь: «Из-за стола, накрытого в Зеркальной галерее, открывался вид на партер парка, где прохаживались фигуры поселян, выглядевшие как ожившие фарфоровые пастушки украшавшего стол сюрту».

44

45

46

44–47. Аллегорические фигуры из серии «4 части света»:
«Европа», «Азия», «Африка»,
«Америка». Майсен. Модели
И.Ф. Эберлейна. 1745–1747 гг.

47

Подробнее хотелось бы остановиться на предметах фарфора в Библиотеке, своеобразной нарядной шкатулке, которая была естественным продолжением кунсткамеры, находившейся на антресолях и связанной с нижними помещениями внутренними незаметными лестницами.

Здесь в шкафах хранились самые разные предметы, сгруппированные по материалам и темам. В отдельные шкафы и полки помещены хрустальная посуда и фарфор. Опись скромно перечисляет разные предметы, но все же здесь на первый план выходит ценность каждого из них преимущественно как предметов коллекционирования. Всего в Библиотеке по описи числилось почти 150 фарфоровых предметов. Попробуем определить их более точно. Прежде всего, это опять-таки не вызывающая сомнений мейсенская скульптура: группа «Актер и актрис в оперном платье» — редкое и точно названное произведение Кендлера «Оперные певцы» (ил. 40); разносчик «на шее и в руке держит клетки с птичками

(ил. 43), бюргер, «гаер, сидячий на пне, перед ним кошечка» — Арлекин с кошкой (ил. 42); группы с двумя и тремя купидонами, играющими в жмурки и тянущими жребий, — такие скульптурные композиции характерны для мейсенской пластики 1760-х годов. Особенно примечательны названные здесь четыре части света — «Европа», «Азия», «Африка», «Америка», которые были выпущены в Майсене в нескольких различных сериях. Большая серия была создана в основном И.Ф. Эберлейном в 1745–1747 годах (ил. 44–47). Малая серия исполнена Кендлером в 1745–1746 годах. В собрании ГМК в настоящее время есть только фигура «Африка» из малой серии (ил. 49). Несколько позже серия «Четыре части света» была создана Ф.Э. Мейером (ил. 48). Какие именно фигуры были выставлены в Библиотеке, сказать невозможно. Однако хотелось бы подчеркнуть, что далеко не каждая старая коллекция, в том числе и во дворцах владетельных особ, может похвастаться полной серией подобных фигур.

48. Аллегорические фигуры из серии «Четыре части света»: «Европа», «Африка», «Америка», «Азия». Мейсен. Модели Ф.Э. Мейера. Около 1750 г.

49. Аллегорическая фигура «Африка». Мейсен. Модель И.И. Кендлера. 1745—1746 гг.

Большой интерес представляет впечатляющее подробное перечисление 33-х купидонов в разных костюмах, с разными предметами и атрибутами их занятий и профессий. Большинство из них принадлежит к серии «Переодетые амуры», созданной в 1750-х годах Кендлером и Рейнике и насчитывающей около 25 фигур. Среди них:

амур-пилигрим с раковинами на шляпе и нагруднике, с посохом и кувшином, амур-нищий — «в черной шляпе, кривой, с костью на деревяшке» (ил. 50);

«в женской французской шапочке, на правой руке мешок» — амур-парикмахер с париками и пудрой в мешочках, амур в руках держит пудреницу, на голове женский чепчик (ил. 51);

амур «играет на валынке и под ним двое маленькие пляшут» — ярмарочный волынщик с марионетками (ил. 52);

амур «держит в руках клистирный сприц, у коего очки пооббиты», «перед собою несет фонарь и позади его колчан со стрелами» (ил. 53);

амур «садовник с плодами и лопатой» (ил. 54);

амур «при шпаге в правой руке вниз держит шляпу» (ил. 55);

амур «щекатур в черном картузе, в правой руке лопатка, а в левой мешок и лестница», «в жидовском платье и в черной шляпе, с бородою, в руке держит кошелек» (ил. 56);

«в зеленом колпаке с кистью и перед собою держит блюдо с хлебенным»; «в женском белом чепчике и в левой руке перед собой держит веер» (ил. 57);

«в парике и сверх парика скуфейка черная, в капуцинском черном платье при муфте»;

амур-рыбак с «решетчатой бадьей» (ил. 58).

В этот список включены также и два амура с «цветниками», о которых говорилось выше, два амура с сердцами, которые, может быть, относятся к более поздней серии по моделям М.В. Асье (ил. 61), и две фигуры повторяются. Таким образом, всего маленьких фигур амуроў высотой

Фигуры из серии «Переодетые амуры». Мейсен. Модели И.И. Кендлера и др. Около 1756 г.:

50. Амур-пилигрим и амур-инвалид.
51. Амур с пудреницей и амур-парикмахер.
52. Амур с волынкой и марионетками.
53. Амур-доктор и амур с фонарем.
54. Амур-садовник.

55. Амур - кланяющийся кавалер.
56. Амур-штукатур и амур - ученый еврей.
57. Амур-девочка с веером.
58. Амур в женском чепчике,
амур-адвокат, амур-рыбак.

59. Амуры с сердцами из серии
«Амуры с девизами». Мейсен.
Модели М.В. Асье 1775—1778 гг.

около 9–10 см в Библиотеке было около 27. Несколько фигур из серии «Переодетые амуры» есть в собрании ГМК: амур в чепчике, амур-адвокат и амур-рыбак (ил. 58), несколько фигур — в собрании Эрмитажа; разнообразные по количеству и составу комплекты также имеются и во многих европейских музеях. Но все же такая полнота серии, какая была у Шереметевых, является довольно редкой.

Очень много было в Библиотеке разных животных, также, несомненно, созданных на Майсенской мануфактуре. В их числе: более 20 разноsortных овечек, в том числе несколько лежащих (ил. 60, 60а), 2 коровки, 4 волка, 2 барса, 1 слон (ил. 61), 1 олень лежащий, 2 зайца (ил. 62), 4 кошечки, 1 векша, четыре группы из трех и двух собак (в собрании ГМК есть одна прекрасная по композиции и выразительности группа по модели Кендлера — ил. 63),

Фигуры животных и птиц по моделям И.И. Кендлера.
Майсен. 1740—1750-е гг.

66. Бегущая борзая.

67. Голубь.

68. Цесарки.

69. Фазан.

70. Петушок.

71. Курица с цыплятами.

72. Лебедь.

5 отдельных собак, в том числе «мопсик фарфоровый белый, голова и хвост пестрые» (ил. 64—65), «собачка борзая на пне скачущая» (ил. 66), голубь (ил. 67), 2 журавля, «у одного на спине спеленутый младенец», павлин и пава, 2 «курицы цесарки пестрые на поддонах» (ил. 68), утка, фазан (ил. 69), петух топчет курицу, 2 петушки (ил. 70), 2 курицы, сидящие с цыплятами (разные) (ил. 71), 7 куриц цесарских маленьких на поддонах, 2 «большие утки стоя-

чие в осоке, у одной во рту рыбка», лебедь сидящий, два лебедя белые, сидящие на осоке (ил. 72).

Среди перечисленного было очень много кур, вероятно, разных пород. Надо сказать, приведенные иллюстрации лишь некоторых фигурок не только не создают целостного впечатления о коллекции П.Б. Шереметева, но и не отражают в полной мере того многообразия моделей животных в разных вариантах, созданных в середине XVIII

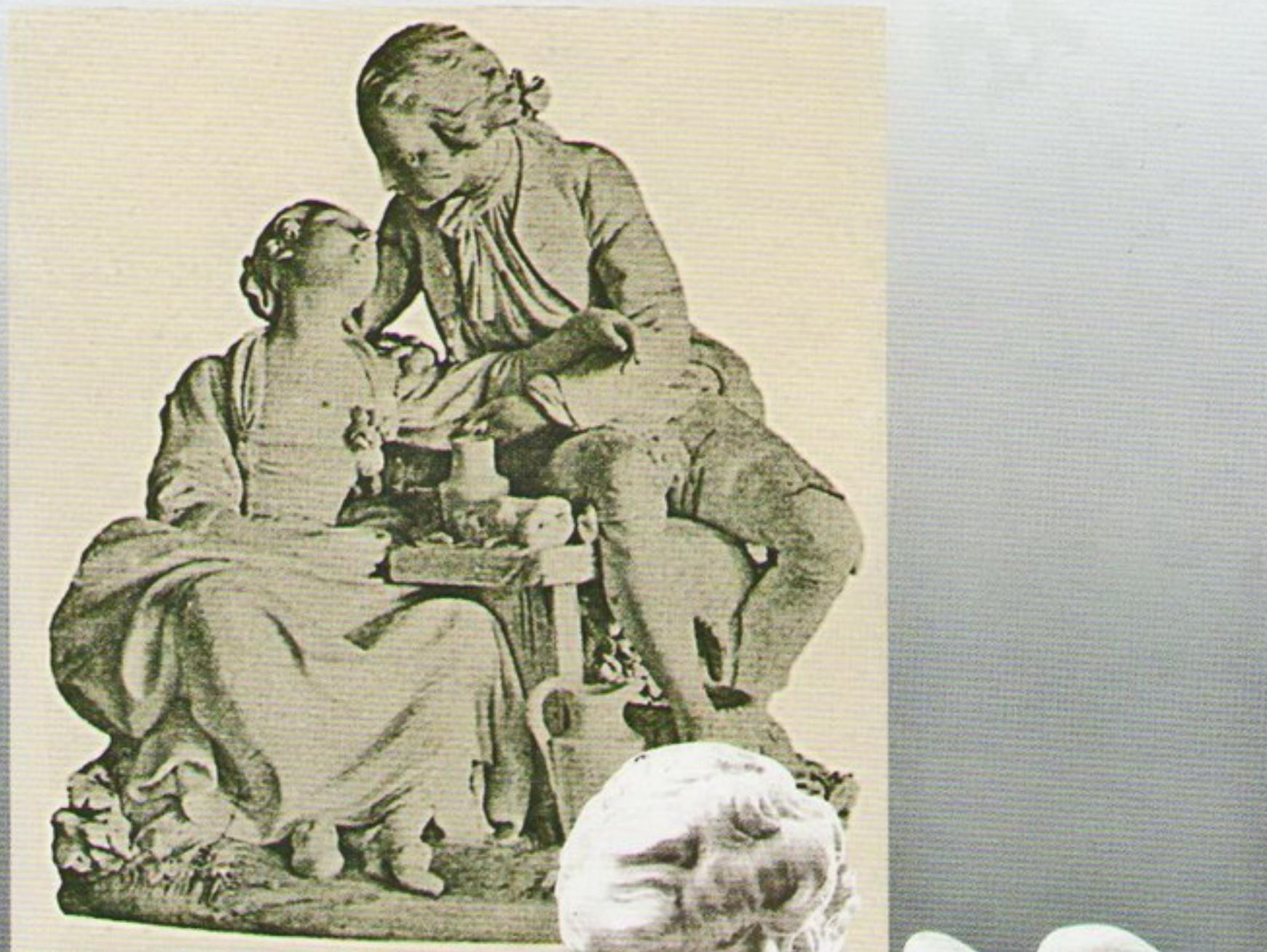
73

74

73. Террина с клубникой на крышке, на поддоне, с изображением цветочных гирлянд. Мейсен. Середина XVIII в.

74. Три террины с крышками на поддонах с изображением сцен Ватто и крестьянских сцен. Мейсен. 1740-е гг.

75. Скульптурная группа «Аннет и Любэн». Севр. Модель Э.М. Фальконе. 1764 г.

века И.И. Кендлером, который с неподражаемым мастерством передавал повадки самых разных зверей и птиц и неоднократно обращался к изображению одного и того же вида животных. Тем не менее этот своеобразный фарфоровый зверинец в шереметевском дворце достаточно ярко отражает ассортимент мейсенской анималистики XVIII столетия.

На отдельной полке в шкафу Библиотеки стояли четыре бульонные чашки с крышками на поддонах с разнообразной росписью. Очень красноречивы отдельные фрагменты описаний этих чашек:

«чашка фарфоровая бульеная овалом с крышкою и на крышке вместо ручки клубника»;

«чашка поменьше бульеная фарфоровая с ручками и крышкою, на крышке вместо ручки цветочек, под нею блюдце такое же, на них расписано золотом и красками лес, звери и охотники»;

«чашка фарфоровая бульеная с ручками и крышкою, на крышке вместо ручки лимон, под нею блюдце... на коих расписаны кавалеры и дамы из разных красок и золотом».

Несомненно, это характерные мейсенские изделия середины XVIII века, созданные в эпоху рококо, которые, благодаря сложным формам и разнообразию сюжетов росписи, ярко отражают эпоху. Они не только использовались по прямому назначению в качестве столовой посуды, но и служили для украшения интерьеров и специальных шкафов для размещения коллекций. Эти изящные предметы, привлекающие нарядной, разнообразной по сюжетам росписью, пользовались большим успехом и спросом у коллекционеров XIX–XX веков. В собрании ГМК есть целый ряд замечательных образцов этих произведений с росписью цветов, сцен Ватто и крестьян (ил. 73–74).

Среди скульптуры в описи Библиотеки выделены «группы белые, называемые безквит»: «мужчина и женщина сидят, обнявшись, перед ними стол с фруктами и сахаром, у стола корзина с фруктами и два кувшина». Это, бесспорно, очень точно описанная, малоизвестная севрская группа по модели Э.М. Фальконе 1764 года «Аннет и Любэн» (ил. 75). В числе еще нескольких названных групп из бисквита – нагие женщины с луком и купидон со стре-

76. Грозящий Амур. Севр. Модель Э.М. Фальконе. 1758 г.

77. Фарфоровый пласт с изображением натюрморта с букетом цветов в синей вазе и лежащими на тарелке фруктами.
Севр. 1774 г. Роспись Ж.-Ф. Мико-отца.

лами. Несомненно, это знаменитый севрский Амур также по модели Фальконе (ил. 76).

В описи Библиотеки особо следует отметить «2 картины фарфоровые в золоченых фарфоровых рамках – фрукты и цветы». Вероятно, это те самые севрские пласти, которые в 1931 году поступили в Государственный Эрмитаж из Музея быта в Ленинграде (бывшего дома Шереметевых), а ранее находились в собрании С.Д. Шереметева

(они опубликованы в эрмитажном каталоге «Севрский фарфор XVIII века». СПб., 2005). Их размеры не слишком велики – 33x25 см, поэтому они вполне могли находиться в Библиотеке (ил. 77–78). Какие-либо совпадения здесь невозможны, ведь живописные пласти Севра XVIII века из мягкого фарфора чрезвычайно редки в наших собраниях. Это поистине драгоценные произведения прославленной мануфактуры, пленяющие богатством колорита и высо-

78. Фарфоровый пласт с изображением натюрморта с цветами в бронзовой вазе и лежащими на столе фруктами.
Севр. 1775 г. Роспись Ж.-Ф. Мико-отца.

чайшим исполнительским мастерством. Исключительное значение пластика усиливается еще и тем, что они маркированы, датированы 1774 и 1775 годами и имеют знак художника — Жака-Франсуа Мико. Сейчас они занимают в собрании Эрмитажа достойное место. Таким образом, эти уникальные предметы лишний раз подчеркивают особую ценность шереметевской коллекции фарфора.

Описью Дворца не исчерпывается описание фарфорового собрания в усадьбе Кусково. В Голландском доме, кроме восточного фарфора, было немало предметов и европейского производства. Согласно описи, в шкафу на кухне находилась часть саксонского сервиса с росписью цветами и золотом и, вероятно, различные отдельные предметы. Среди них «2 терина овальных с крышками... под ручками козлиные головы с рогами, у коих края чешуйчатые, под ними два блюда овальные» — это очень характерные мейсенские миски, или терины, с блюдами с типичным мозаичным чешуйчатым орнаментом 1760-х годов. «2 ставца круглые с ручками зелеными и крышками с налепными разными цветочками и листочками, на крышках вместо ручек по розану» — также чрезвычайно характерные мейсенские изделия середины XVIII века с лепными цветами (ил. 79). В списке значатся также передачи с блюдами, «ставец круглый, у коего вместо ручек кабаньи головы», блюда круглые и блюда соусные, тарелки «плоские» и глубокие, салатники, «соусница овальная грановитая с ручками на 4-х ножках, под рыльцами личинки» — несомненно, известная мейсенская модель соусника 1740-х годов (ил. 80), а также любопытные по форме сосуды — «2 рыбы окунь и под ними блюды овальные», солонки, ложки соусные, «одинарные» и «канфетошные».

В буфетной комнате на столе стояли также очень типичные предметы чайно-кофейной саксонской посуды с цветочной росписью: шаровидный чайник «с медною позолоченою ручкою», стоящий на фарфоровой же фигурной подставке с тремя ножками, с лепными цветами и ягодами земляники; кофейник, вероятно, шоколадник с оправленной металлом крышкой и деревянной ручкой, который назван «молошником», полоскательница, по 6 чашек чайных и кофейных и другие предметы.

79. Террина с крышкой на поддоне с лепными цветами и листьями.
Мейсен. Середина XVIII в.

80. Соусник на четырех ножках, с женскими маскаронами и цветочной росписью.
Мейсен. 1740-е гг.

81. Ваза с рельефным декором и изображением «немецких» цветов.
Мейсен. 1740-е гг.

82. Корзинка с маскаронами фавнов и вакханок, с росписью в японском стиле.
Мейсен. 1735—1740 гг.

83. Турчанка с лютней.
Майсен. Модель
И.И. Кендлера
и П. Рейнике. 1744 г.

По крайней мере, два саксонских сервиза для чая и кофе — один с красными полосами, с зелеными, синими и золотыми цветочками, другой «седлоновый» с разными цветочками — стояли в парадном зале Голландского домика в специальной застекленной нише в стене. Среди разнообразных разрозненных чашек и блюдец, стоявших здесь же, также находились изделия Мейсенской мануфактуры.

О том, что разнообразнейшие предметы мейсенского фарфора широко использовались в быту шереметевской усадьбы в XVIII веке, свидетельствуют несколько предметов, сохранившихся в музее и происходящих из Основного собрания Шереметевых, но не зафиксированных в старых документах. Это корзина с рельефной плетенкой, полихромными цветами в японском стиле на дне и ручками, к сожалению, утраченными, опирающимися на маскароны фавнов и вакханок (ил. 82). Она принадлежит к изделиям Мейсена довольно раннего периода — 1735–1740 годов, в которых своеобразно соединились черты восточного фарфора и европейского искусства. Аналогичный предмет имеется сейчас и в коллекции Останкинского музея. Вторая вещь — ваза с высокими ручками, рельефным декором, напоминающая по форме металлические изделия, украшенная цветочной росписью, которая может быть датирована 1740-ми годами (ил. 81). Оба предмета могли бы быть достойными экспонатами в любой коллекции мейсенского фарфора.

Среди сохранившихся предметов — мейсенская скульптура «Турчанка», к сожалению, дошедшая до наших дней с большими утратами (ил. 83).

Эти небольшие дополнения говорят лишь о том, что сохранившиеся в усадьбе Кусково документальные источники не являются исчерпывающими материалами, они не дают представления о полном объеме и составе фарфоровой коллекции П.Б. Шереметева. Подтверждением этому служат и следующие факты. В составе коллекции мейсенского фарфора Эрмитажа есть предметы, поступившие из уже упоминавшегося Музея быта в Ленинграде (бывшего дома Шереметевых), из них опубликованы блюдо из так называемого «Сервиза Кристи-Миллера» с изображением европейских пейзажей начала 1740-х годов и чаша из «Сервиза с бабочкой» около 1740 года, роспись которого выполнена на основе восточных образцов. Правда, об этих предметах нельзя сказать однозначно, что они происходят именно из шереметевской коллекции, но достоверно известно, что еще несколько первоклассных произведений севрской скульптуры из бисквита, поступивших в Эрмитаж из того же источника, происходят из собрания Шереметевых. Это две парные скульптуры «Купальщицы» по моделям Э.М. Фальконе, исполненные в 1760–1770-х годах, и «Геба» по модели Ж.-Ф.-Ж. Сали 1767 года. Они могли быть приобретены еще в XVIII веке. Эти данные позволяют предположить, что в свое время фарфоровая коллекция П.Б. Шереметева была более обширной. Очевидно, что ее владелец постоянно был в курсе сменяющейся моды на фарфоровые изделия. Уже в последней трети XVIII столетия продукция Мейсена, преимущественно посуда, оставаясь наиболее востребованной в быту, в художественном отношении стала уступать первое место изделиям Севра. Это не могло не отразиться на составе фарфоровых собраний. Теперь наиболее ценными и желанными стали оригинальные произведения Севрской мануфактуры, обладающие неповторимыми декоративными качествами, а несравненная бисквитная пластика стала совершенно новым явлением в искусстве фарфора, она завоевала всеобщее признание и стала новым эталоном фарфоровой скульптуры. Коллекция Шереметева подтверждает эту тенденцию.

Анализ собрания П.Б. Шереметева дает возможность сделать совершенно определенный вывод: оно отражает все основные этапы и принципы бытования фарфора во дворцах российской знати XVIII века. Это и коллекционирование сначала китайского, затем европейского фарфора, это размещение фарфоровых предметов в интерьерах в соответствии с модой и рекомендациями своего времени, это и точное следование столовому этикету, включая принципы сервировки парадных столов. Необходимо еще раз подчеркнуть высокий художественный уровень фарфоровой коллекции Шереметевых, в которой были представлены характерные и редкие изделия ведущих европейских мануфактур XVIII века. Преобладание в ней разнообразных и первоклассных изделий Мейсена также является закономерным и подтверждает широкое распространение саксонского фарфора не только в придворном обиходе, но и в быту российских вельмож XVIII столетия.

Татьяна МОЗЖУХИНА